

Суслова Л. Н. Повседневная жизнь населения Сибирской губернии в контексте реформ Петра I в первой четверти XVIII века / Л. Н. Суслова, И. В. Яркова, Р. Г. Буканова // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 448—466. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-448-466.

Suslova, L. N., Yarkova, I. V., Bukanova, R. G. (2021). Everyday Life of Population of Siberian Province in Context of Peter's I Reforms in First Quarter of 18th Century. *Nauchnyi dialog*, 6: 448-466. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-448-466. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-448-466

Повседневная жизнь населения Сибирской губернии в контексте реформ Петра I в первой четверти XVIII века

Суслова Людмила Николаевна¹

orcid.org/0000-0002-2426-2967

кандидат исторических наук, доцент

linsuslova@yandex.ru

Яркова Ирина Васильевна¹

orcid.org/0000-0002-6574-3695

кандидат исторических наук, доцент

irina_19714@mail.ru

Буканова Роза Гафаровна²

orcid.org/0000-0002-3147-3666

доктор исторических наук, профессор

brg777.50@mail.ru

¹ Тюменский государственный университет

(Тюмень, Россия)

² Уфимский юридический институт МВД России (Уфа, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-49-720013\20

Everyday Life of Population of Siberian Province in Context of Peter's I Reforms in First Quarter of 18th Century

Ludmila N. Suslova¹

orcid.org/0000-0002-2426-2967

PhD in History, Associate Professor

linsuslova@yandex.ru

Irina V. Yarkova¹

orcid.org/0000-0002-6574-3695

PhD in History, Associate Professor

irina_19714@mail.ru

Roza G. Bukanova²

orcid.org/0000-0002-3147-3666

Doctor of History, Professor

brg777.50@mail.ru

¹ University of Tyumen (Tyumen, Russia)

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa, Russia)

Acknowledgments:

The research was funded by RFBR and Tyumen Region, project number 20-49-720013\20

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению эволюции культуры повседневности населения Сибирской губернии в первой четверти XVIII века, характеристике развития традиционных форм материальной культуры сибиряков и новых черт повседневной жизни, возникших под влиянием реализации петровских реформ на территории Западной Сибири. Изучается материальная культура, досуг и быт населения Сибирской губернии в первой четверти XVIII века. Охарактеризованы традиции строительства жилых домов, изготовления одежды, уровень медицинского обслуживания и здравоохранения, досуговые занятия населения Западной Сибири первой четверти XVIII века. Проведен анализ комплекса законодательных и делопроизводственных источников Государственного архива в г. Тобольске. Среди них важное место занимают указы, регламентирующие организацию медицинской помощи населению, документы, отражающие мероприятия местных властей в отношении занятия шведских военнопленных в Тобольске винокурением. Показано, что петровские модернизационные процессы в области культуры, нравов и быта слабо отразились на традициях строительства домов, изготовления одежды, повседневных занятий большинства крестьянского населения Сибирской губернии и местных нерусских народов. Сделан вывод о том, что основные изменения, затронувшие область повседневной культуры, связаны с реализацией военных и административных преобразований Петра I, появлением на территории губернии пленных шведов, реализацией губернской реформы, изменением системы местного администрирования, появлением медицинских профессиональных кадров и учреждений здравоохранения.

Ключевые слова:

Сибирская губерния; культура; повседневность; досуг; быт; нравы; петровские реформы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of the evolution of the culture of everyday life of the Siberian province population in the first quarter of the 18th century, the characteristics of the development of traditional forms of material culture of Siberians, and new features of everyday life that arose under the influence of the implementation of Peter's reforms on the territory of Western Siberia. Changes in the material culture, leisure and life of the population of the Siberian province in the first quarter of the 18th century are considered, the traditions of building houses, making clothes, the level of medical care and health care, leisure activities of the population of Western Siberia in the first quarter of the 18th century are described. The study was carried out on the basis of an analysis of the complex of legislative and office-work sources of the State Archives in Tobolsk. Among them, an important place is occupied by decrees regulating the organization of medical care for the population, documents reflecting the actions of local authorities in relation to the occupation of Swedish prisoners of war in Tobolsk by distilling. The authors of the article show that Peter's modernization processes in the field of culture, customs and everyday life had little effect on the traditions of building houses, making clothes, and everyday activities of the majority of the peasant population of the Siberian province and local non-Russian peoples. It is concluded that the main changes affecting the area of everyday culture are associated with the implementation of the military and administrative reforms of Peter I, the appearance of captured Swedes on the territory of the province, the implementation of the provincial reform, a change in the local administration system, the emergence of medical professional personnel and health care institutions.

Key words:

Siberian province; culture; everyday life; leisure; daily routine, customs, Peter's reforms.

Повседневная жизнь населения Сибирской губернии в контексте реформ Петра I в первой четверти XVIII века

© Суслова Л. Н., Яркова И. В., Буканова Р. Г., 2021

1. Введение

Предметом нашего исследования является влияние петровских реформ на культуру и быт населения Сибири в первой четверти XVIII века. В данной статье предпринята попытка систематизировать имеющийся материал по истории материальной культуры, быта и досуга населения Тобольского края в указанный период.

К изучению отдельных аспектов избранной темы обращались П. А. Словцов, Н. М. Ядринцев, П. Н. Буцинский [Словцов и др., 1995 и др.]. Вопросами реализации правительственной политики в области становления профессиональной медицины в Сибири XVIII века занимались М. О. Акишин, Э. Р. Исаков, С. Г. Аксенов, Н. Л. Хаит, Е. В. Шуляк, М. Б. Мирский, Ф. Д. Фахрутдинова [Акишин, 2004; Исаков и др., 2012; Хаит, 2016; Шуляк, 2019; Мирский, 2005; Фахрутдинова, 2011 и др.]. Изучению особенностей материальной культуры населения в процессе земледельческой колонизации Западной Сибири и межкультурной коммуникации с представителями местных народов на основе археологических и этнографических изысканий посвятили свои труды О. Н. Шелегина, В. Б. Богомолов, Л. В. Татаурова [Шелегина, 1992; Богомолов и др., 2013 и др.]. Изменения нравов и форм досуга служилого населения Сибирской губернии под влиянием проникновения элементов европейской культуры рассмотрены Д. А. Гоголевым, Г. Ф. Корзухиной, И. В. Курукиным, А. В. Харинским, Г. В. Шебалдиной, В. В. Шевцовым [Гоголев, 2006; Корзухина, 1963; Курукин и др., 2005; Харинский, 1995; Шебалдина, 2005; Шевцов, 2004 и др.].

Исследование проведено на основе опубликованных и архивных (неопубликованных) материалов. К первой группе следует отнести указы Петра I, опубликованные в Полном собрании законов Российской Империи. К числу неопубликованных документов относятся делопроизводственные материалы и административно-хозяйственная учетная документация, касающиеся деятельности пленных шведов. Процесс исследования основан на комплексном использовании сравнительно-исторического и проблемно-хронологического методов.

2. Традиции и новации материальной культуры населения Тобольской губернии первой четверти XVIII века

Основу повседневной жизни, обыденных социальных действий населения Западной Сибири составляли традиции строительства жилых и хозяйственных построек, изготовления одежды и утвари, которые были принесены за Урал первыми русскими крестьянами-переселенцами [Шелегина, 1990, с. 5]. По сравнению с европейской Россией, где леса и земли было недостаточно, в Сибири строили более крупные дома. Они отличались от юрт, полуземлянок аборигенного населения Сибири. Возводимые дома имели деревянные полы, печи и окна из слюды, с обязательной постройкой бани как характерного элемента быта русского населения в Сибири, имевшего лечебно-гигиеническое предназначение [История Сибири ..., 1968, с. 177—178]. Строительные приемы русского населения Тобольской губернии в XVIII веке были аналогичны традициям европейской части страны. Дома ставили «на стулья», стойки или камни. О. Н. Шелегина отмечает, что самым распространенным в XVIII веке строительным приемом было соединение бревен в венцы («в обло» или в «угол»). Такая технология предотвращала промерзание углов дома в условиях низких зимних температур. Применялся и традиционный способ печной кладки [Шелегина, 1990, с. 5—7]. Внутренняя структура жилого дома русских крестьян Сибири включала деление пространства на передний красный угол горницы и женский печной, а также наличие таких характерных для всей России элементов интерьера, как полати, голбец, лавки, полки, стол и т. д. [Шелегина, 1999]. Наряду с использованием общероссийских традиций обустройства жилых помещений русские крестьяне-переселенцы сохраняют и приемы, характерные для определенных территорий проживания. Исследователями обнаружены зафиксированные в описях имущества крестьян-сибиряков начала XVIII века коробья, используемые на Русском Севере для хранения имущества. Также к традициям Русского Севера тяготеет само наличие, а также использование названий таких предметов «неподвижной» мебели, как голбец, грядка, залавок [Шелегина, 1996].

Своеобразным проявлением межкультурной коммуникации и адаптации к новым жизненным условиям явились вошедшие в употребление у русских жителей в Сибири киргизские полсти (кошмы) и казахские сыр-маки (узорные коврики). В. Б. Богомолов, Л. В. Тагаурова и Е. В. Кравец, реконструировавшие на основе археологических материалов костюм русского населения Западной Сибири, пришли к выводу о том, что особенностью западносибирского крестьянского мужского и женского костюма XVIII века являлось значительное разнообразие составляющих его элементов. Наряду с распространенными армяками, кафтанами, телогреями,

шубами и пр. в Западной Сибири первой четверти XVIII века встречались и элементы костюма, вышедшие из употребления в европейской части России. К ним относились убрusy, высокие мужские шапки, зипуны с покроем «в скобку». Эти виды одежды носили сибирские старообрядцы [Богомолов и др., 2013, с. 28—35].

Исследования О. Н. Шелегиной также подтверждают наличие в гардеробе женщин Тобольской губернии начала XVIII века северорусских элементов одежды, слабо представленных в европейской России. Речь идет об изготовлении для повседневного ношения так называемых *дубасов*, холщовых сарафанов, окрашенных в «дубе» (коре ольховой и березовой); передника, «верхника». Еще одной характерной особенностью развития крестьянского костюма в Западной Сибири явилось включение в него элементов одежды и обуви, традиционных для коренных народов и необходимых в суровых климатических условиях, такие как *кисы*, *пимы* с чулками из оленьего меха, *унты* из бараньей шкуры [Шелегина, 1992, с. 53]. Аналогичные процессы взаимовлияния русского и татарского костюма на юге Тюменской области подробно исследованы в диссертации Ф. Д. Фахрутдиновой [Фахрутдинова, 2011]. Таким образом, этнографические и археологические изыскания позволяют сделать вывод о распространении среди большинства крестьянского населения Сибирской губернии первой четверти XVIII века традиционных видов одежды. Нововведения европейской моды петровской эпохи затронули незначительную часть служилого населения и представителей местной администрации Сибирской губернии.

3. Развитие медицины в Сибирской губернии первой четверти XVIII века

Из всех сфер повседневной жизни сибирского населения в первой четверти XVIII века заметнее всего влияние петровских преобразований проявилось в области здравоохранения. Как обстоятельно показал в своем труде М. Б. Мирский, начало этому процессу положили целая серия законодательных актов и инициатив Петра I [Мирский, 2005, с. 12—14, 129—130]. Историко-правовое исследование, проведенное Э. Р. Исхановым и С. Г. Аксеновым, позволяет сделать вывод о том, что государственному регулированию в первой четверти XVIII века подвергся целый комплекс направлений деятельности, относящийся к развитию системы здравоохранения [Исхаков и др., 2012, с. 4—10].

Указы Петра I регламентировали такие вопросы, как качество медицинского обслуживания, мероприятия, направленные на предотвращение инфекционных заболеваний; создание аптек и профессиональных кадров фармацевтов, развитие системы военной и гражданской медицины.

Становлению системы здравоохранения при Петре I положила начало реорганизация его управления. В 1707 году в дополнение к московскому Аптекарскому приказу была учреждена Аптекарская канцелярия в Санкт-Петербурге. В 1716 году была введена «должность архиатора — руководителя всей медицины России» [Акишин, 2004, с. 23—28]. По указу, изданному 14 августа 1721 года, управление «гошпиталями и аптеками», а также всеми медиками России было поручено вновь образованной Медицинской канцелярии [Там же].

Обозначим наиболее важные законодательные акты Петра I в этой сфере. Созданию благоприятных санитарно-гигиенических условий проживания населения посвящен указ, изданный 25 мая 1718 года на имя Санкт-Петербургского генерал-полициймейстера, ставший правовым прецедентом для всех городов империи. Указ возлагал на полицию и избираемых из числа местных жителей караульщиков, старост, десятских обязанность контроля над строительством домов «по указу», поддержанием чистоты на улицах городов, организацией торговых заведений, качеством продаваемых продуктов, «дабы отнюдь нездорового какого харчу не продавали» [ПСЗРИ, т. V, № 3203, с. 569—571].

Первоочередным направлением правительственной политики в области здравоохранения являлась поддержка военной медицины. В главах 33—34 Воинского устава 30 марта 1716 года определялись штаты медицинского персонала в воинских частях, очерчен круг их профессиональных обязанностей, устанавливалась ответственность полевых докторов и лекарей за их халатное исполнение и врачебные ошибки [ПСЗРИ, т. V, № 3006, с. 244—248].

Указы Петра I от 25 мая 1706 года, 4 ноября 1715 года, глава 34 Воинского устава 1716 года были посвящены организации медицинских учреждений, созданию в Москве военного госпиталя, госпиталей при церквях, полковых лазаретов («или шпиталей») и тем самым были нацелены на совершенствование организации больничного дела [ПСЗРИ, т. V, № 2955, с. 181; № 3006, с. 246—247]. Становлению медицины для гражданского населения в провинции способствовал указ Петра I от 16 января 1712 года, который предписывал учредить по всем губерниям госпитали «для увечных» [ПСЗРИ, т. IV, № 2467, с. 779]. Источники финансирования создаваемых медицинских учреждений определялись целым рядом указов: с 3 июня 1714 года установлено содержание лазаретов в размере отчисления половины венечных сборов [ПСЗРИ, т. V, № 2821, с. 114], с 4 ноября 1715 года на содержание лазаретов отчислялась сумма в размере ста рублей, взимаемая за поставление в дьяки [ПСЗРИ, т. V, № 2911, с. 158], с 1721 года из жалованья государственных служащих производились выче-

ты на содержание медицинских учреждений [ПСЗРИ, т. VI, № 3867, с. 466]. В следующем году был определен еще один финансовый источник: конфискованные дома и имущество старообрядцев [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И156, оп. 12, д. 1, л. 194—199].

Ряд мер был направлен на подготовку медицинских профессиональных кадров из числа соотечественников. Этому в немалой степени способствовало создание в 1710 году лекарской школы в военном госпитале в Москве. Получила развитие и медико-социальная помощь: именным указ, объявленный Петром I из Сената 4 ноября 1715 года, предусматривал строительство при церквях «гошпиталей для приема и содержанию незаконнорожденных» и подкинутых младенцев [ПСЗРИ, т. V, № 2955, с. 181; Исхаков и др., 2012, с. 4—10].

Появлению на территории края квалифицированных медиков предшествовало использование населением лечебных свойств растений, минералов и продуктов животного происхождения. Традиционным способом избавления от болезни было обращение к знахарям и шаманам [История Сибири ..., 1968, с. 178]. Более холодный, по сравнению с европейской Россией, климат Сибири способствовал распространению среди населения таких болезней, как цинга, оспа и других болезней, которые из-за отсутствия прививания и квалифицированной медицинской помощи приобретали характер эпидемий.

При Петре I развитие медицины в Сибири было неразрывной частью правительственной политики в стране. Отдаленность территории Сибири от европейской части России была фактором, замедляющим государственную инициативу. В начале XVIII века профессиональных медиков включали в состав военных экспедиций. В 1715—1718 годах хирург Томас Гарвин сопровождал официальное посольство в Пекин [Мирский, 1995, с. 41—44]. Врачей также назначали в свиту направляемых из центра в провинцию влиятельных воевод. Известно, что тобольский воевода князь М. Я. Черкасский пользовался услугами доктора Готфрида Георга Херургуса. Как сообщает М. Б. Мирский, этот, по-видимому, первый в Сибири высококвалифицированный врач провел в Тобольске 4 года, с 6 мая 1702 года до 1706 года [Мирский, 1995, с. 41—44].

В результате реформирования армии в 1720 году в Омской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостях при военных гарнизонах были открыты крупные лазареты [История Сибири ..., 1968, т. 2, с. 177]. В их штате, в условиях дефицита отечественных медицинских кадров, в качестве лекарей состояли и шведские военнопленные [Словцов и др., 1995, с. 293].

Военные медики появились и в гарнизонных полках Сибири, вакансии эти заняли пленные шведские лекари. Так, в 1717 году лекарь Вилим

Мискин получил 40 рублей «за лечение больных солдат». В том же году лекарь Индрик Блат получил 20 рублей [Акишин, 2004, с. 23—28].

Н. Л. Хаит, на основе архивных материалов изучившая организацию медицинской помощи населению Сибири в XVIII столетии, приходит к выводу, что становление материальной базы сибирской медицины — организация госпиталей, аптек, обеспечение медицинскими кадрами — проходило очень медленно и намного отставало от развития медицины в европейской России. Это обуславливалось отдаленностью края, обширностью территории, а также очень низкой обеспеченностью врачебными кадрами. Население лечилось народными средствами, использовало лечебные свойства зверобоя, сосновой хвои, черемши, березовых почек, малины, шиповника, белены и других растений [История Сибири ..., 1968, т. 2, с. 177—178]. Отсутствие благоустроенных больниц, медицинского снабжения, необходимого штата вспомогательного медицинского персонала — все это ставило в очень тяжелые условия врачей, работавших в Сибири в XVIII веке. Существенные перемены в системе здравоохранения в Сибири произошли лишь в 20—80-е годы XVIII века [Хаит, 2016, с. 144].

4. Досуг и нравы населения Тобольской губернии

Охарактеризуем виды досуга, получившие распространение в рассматриваемый период. Исследователи областнического направления XIX века А. П. Щапов, П. А. Словцов, С. С. Шашков были невысокого мнения о нравственной стороне представителей сибирского русского общества. Безнравственность, многоженство, разврат, процветавший в русском обществе Сибири XVII века, имели место и в первой четверти XVIII столетия. Историк, этнограф С. С. Шашков в исторической очерке «Рабство в Сибири» изображает рабское состояние сибирских народов XVII — первой половине XVIII веков и описывает бунты и восстания, какими они отвечали на насилие прищельцев, заключая: «Прищельцы здесь ввели рабство и угнетение», «начиная от воевод, кончая последним мужичишкою захватывали для этой цели совершенно мирных дикарей» [Шашков, 1869]. Рабы добывались путем захвата, пленения, обмана, заклада и торговли. Их вывозили за границу, привозили и в центральную Россию. В Березове семилетних мальчиков продавали по 25 копеек, девочек по 20 копеек. Правительство Петра I боролось против рабства, но безрезультатно. Торговля и мена «инородца» составляла выгодную статью для наживы русского населения Сибири. Казаки, направленные за ясаком, вместо подводчиков брали остяцких девушек и дорогой насиловали их [Словцов, 1995, с. 295].

Рассмотрим игровой досуг служилого населения. В нем, по мнению Г. Ф. Корзухина, значительное место занимали игры в карты, шашки, ко-

сти и шахматы [Корзухина, 1963, с. 95]. Формы игрового досуга служилых людей Томска проанализированы В. В. Шевцовым. Опираясь на результаты археологических исследований в историческом центре Томска, можно сделать вывод о распространении в изучаемый период игр в кости, шахматы. Археологические находки позволяют заключить, что жителям была известна игра в шашки, имевшая название *тавлеи* или *лодыги*. Чаще всего игры устраивались в кабаках. Азарт побуждал игроков к потреблению спиртных напитков, что приводило к росту кабацких и таможенных сборов [Шевцов, 2004, с. 195—199].

Европеизация, характерная для петровской эпохи, приобщение к достижениям и культуре европейской цивилизации приводили к тому, что население страны, в том числе и Сибири, приобретало и так называемые «вредные привычки»: пристрастие к курению табака, алкоголя. Большинство современных исследователей считают, что табак, впервые появившийся в Сибири в XVII веке, привозился из Китая [Харинский, 1995, с. 214].

По мнению Г. Ф. Сафронова, правительство России, опасаясь снижения сбора ясака, запрещало русским сибирякам торговать с инородцами «заповедным» товаром (в том числе табаком) и менять его на пушнину, но табачная торговля процветала [Сафронов, 1980, с. 74—76]. Как правило, табак приобретался у бухарских и русских купцов, приезжающих в сибирские города из Китая. Размах незаконной табачной торговли заставил правительство разрешить ее официально в конце XVII века. По данным В. А. Александрова, через Нерчинскую таможенную с 1690 по 1697 годы было ввезено в Сибирь 100 пудов табака, что в два раза превышало размер ввезенного чая [Александров, 1984, с. 219].

Наряду с государственной и частной продажей спиртных напитков, в городах Сибири, как и в Европейской части страны, на протяжении XVII — XVIII веков практиковалась «винная дача», когда спиртное выдавалось властями населению бесплатно. Шведские мемуаристы характеризовали пьянство русских как «дикое», а дни русских праздников как «самые тяжелые дни», в которые было опасно выходить на улицу [Шебалдина, 2005, с. 65]. Вино в качестве жалования выдавалось практически во всех городах Западной Сибири. Например, на Верхотурье за первые шесть месяцев 1704 года было выдано 22,5 ведер вина, во вторую половину года — 74,75 ведер. Вино выдавалось преимущественно служилым и ясачным людям. Из Тобольска вино везли в «непашенный» Сургут и Березов. Вино выдавалось служилым людям в дни светских праздников или церковных, к которым относились Пасха, Рождество и др. Так, в конце октября 1709 года всем жителям Тобольска было выдано винное жалование в честь дошедшего в город известия о победе над шведским королем [Раев, 2003].

Крупное винное жалование от 50 до 300 ведер выдавалось в начале XVIII века светским и церковным властям на местах: сибирскому и тобольскому митрополиту Филофею, сургутскому стольнику и воеводе В. К. Толстому, князю М. Я. Черкасскому. К другим статьям и целям винного жалования относились выдачи вина ясачным инородцам в награду за уплату ясака и посольские дела. Чиновники, принимавшие послов, были обязаны устраивать пиры с целью выведывания тайных сведений, поэтому администрация выдавала винное жалование постоянно. С 1716 года запрет на винокурение был снят при условии уплаты особого промыслового налога с мощностей аппаратов [Курукин и др., 2005, с. 83].

Откупная система в Сибири начала формироваться еще в XVII веке. Основную массу откупов в конце XVII — начале XVIII веков составляли мелкие статьи в несколько десятков рублей, которые откупали местные служилые и посадские люди. Более крупные откупа — в несколько сот рублей — брали торговые люди и купцы-гости из европейской части страны, осуществлявшие в Сибири свою торгово-промысловую деятельность. Откупа шведам давались на продажу меда и вина. Например, 1 февраля 1715 года сибирский губернатор М. П. Гагарин разрешил продажу меда и вина в Тюмени пленным шведам ротмистрам «Карлу Балку, Пелврагу, Аплигену и полковому кватермистру Ислебену, черкасенину Григорью Новицкому» при условии уплаты в сибирскую казну 500 рублей в год [Гоголев, 2006, с. 20—22]. В мае 1721 года на откуп шведским пленникам «капитану Давбы Толсин, да прапорщику Самоил Лимбер, да прапорщику Августову Бурману» выданы на откуп в течение года производство «ис своего солоду и хмелю» и продажа пива в Тюменском уезде «на Кармаках на пагосте в Успенском селе и в Переваловой деревне». Размер откупа составил 6 рублей.

Архивные документы содержат множество сведений, касающихся быта шведских военнопленных в Западной Сибири в первой половине XVIII века: «Иноземцы расселились по квартирам тобольских и тюменских всяких чинов людей». Конечно, свобода у них была относительной. Чтобы шведы не сбежали, за ними вели присмотр специально назначенные лица. Каждый пленный получал из казны по две деньги и полтора четверика ржи в месяц. Шведам разрешалось зарабатывать на жизнь. Те, кто никаким искусствам и наукам не был обучен, торговали вином и пивом, получали от этого немалую выгоду, хотя случались и казусы: «Сего 1716 года августа 8 день били челом Великому Государю шведские полоненные прапорщики Таврило Люн, Лярс Галберий, — писал подьячий. — Продают они из откупу в Тюменском уезде — на Кармацком погосте вино и пиво. В прошлом 1716 году в сентябре месяце, приехав к ним в ночи,

беглые солдаты Василий Парников, Василий Курбатов, Семен Тагилец да Карнацкого погоста житель Иван Годенов, тобольский беглой ямщик Иван Макаров. Просили у них вина и пива. Им не дали, зато их вышеозначенные беглые солдаты били, увечили смертными побоями. У избы окна и двери изрубили топорами и хотели зажечь. Взяли у них грабежом денег два рубля двадцать четыре алтына да вина по цене рубль на шесть алтын, пива на три алтына на две деньги, коробью с пожитками и закладное, которое они имали у посторонних людей, — всего по цене на шесть рублей. На вышеозначенных воров полоненники били челом прежнему тюменскому коменданту господину Зубову. Но он-де, комендант, из караула вышеозначенных воров свободил и указу никакого не учинил. По сему названных разбойников надобно сыскать и подлинное их дело прислать в Тобольск губернатору Сибири князю Гагарину» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и701, оп. 1, д. 2, л. 152—152об].

В том же 1716 году в приказную избу пришла весьма многочисленная делегация: от детей боярских, казаков, пашенных и оброчных крестьян, служивых татар и бухарцев. Подьячий записал челобитную, обращенную к Державнейшему царю-государю: «Шведы в домах наших живут нечинно. Рабов твоих, государь, всячески скверными словами и блудным воровством бесчестят. Мы, рабы твои, по твоему государеву указу, всякого чина служивые люди, бываем по разным государевым службам и посылках не престанно. И мы, тяглые люди, бываем по отъезжым пашням по вся дни. А в домах шведы с нашими женами и детьми остаются. Всемиловитый государь, вели им, шведам, на их деньги казармы построить. Жить бы им, шведам, в казарме поскольку человек ваше величество укажет, чтоб нам, рабам твоим, от шведского утеснения и бесчестия впредь в конец не разоритца» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и701, оп. 1, д. 2, л. 152—152об].

Шведы «варили» вино, пиво, продавали табак, мед. Так, документ «Отрывок из дела об отдаче производства и продаже пива в Тюменском уезде шведским пленникам» говорит о пивном купле.

Документы Тобольского архива — «Челобитная шведского пленника капитана Юргена Енгилгарта» (июль 1716 г.), «Допросные речи Томской приказной палаты» (июль 1716 г.), «Доношение томского таможенного головы Алексея Гречанина об исполнении наказа из Томской приказной палаты о выемке «заповедного продажного питья, вина, меда и табака, пива у шведов» (1715 г.) — содержат сведения о занятии шведских пленников винокурением.

В первом документе, в «Доношении томского таможенного головы Алексея Гречанина об исполнении наказа из Томской приказной палаты» о выемке «заповедного продажного питья, вина, меда и табака, пива у шве-

дов» говорится: «.. и сего декабря в 21 день...по вышеписанному великого государя указу томския таможенныя голова Алексею Гречанину взял с собой таможенные целовальников ... вынял наразных пустых фатерах... у шведов взятоворовского винокуренной посуды три трубы виннокуренныя белого железа две боченки да скляница и с которых досмотру настороноу вылили вино да две мерки жестяные чем то воровское вино продавали дана фатерье же ... у шведских полоняников продажною заповедного питья, вина, в сулейке взято да в бочонке да ставленого меду сырцу в бадье да листового табаку три фунта. А что вина и ставленого меду мерою в бадье не ведает меду сырцу весу того он Алексей...» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и701, оп. 1, д. 2, л. 152—152об].

Во втором документе, «Челобитная шведского пленника капитана Юргена Енгилгарта», шведский пленник Юрген Енгилгарт сообщает о «взятке у него меду сырцу пареного...и в том своем разорение...учинилось...», капитан направил челобитную об отдаче ему меду сырцу пареного на томского таможенного голову Алексея Гречанина и на губернатора Сибири Матвея Петровича Гагарина; кроме того, швед обвинял Алексея Гречанина в недостатке чашек хрустальных и китайских и другой посуды [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и701, оп. 1, д. 2, л. 156—157].

В третьем документе, «Допросные речи Томской приказной палаты», говорится: «1716 год июля 15 числа в Томску в приказной палате... дворянин Алексей Качанов допрашивал шведцкого пленника капитана Юргина, а в допросе сказал ...Алесей ...дан ему ... из приказной палаты .указ...а в том указе написано велено ему...в Томску у шведских пленников смотреть всякого воровства и заповедное вино и табак, мед и пиво вынимать для того ведано уинилось в томской приказной палате ...и на кружечных дворах в питейной продаже...остановка и в сборе денежной казне умоление и потому...он Алексей усматривал, что де многие томские жители и шведы опричь кружечного двора непрестанно бывают пьяны. А выходят с постоялых фатер шведских пленников и декабря 30 числа в четвертом часу дни Шелбон Алексей ...Иван Цицерин ... из того де двора вышли пьяные томские жители и шведы. И он де Алексей увидя их пьяных поворотился в гору и докладывал коменданту Михаилу Колычеву. И он де Михайло Колычев ...велел ему Алексею идти для досмотру взяв с собой людей и приказных деньшаков. И он де Алексей взял с собой таможенных целовальников Прокофья Самойлова, Афанасия Федосеева, приказных деньшаков Матвея Брагина, Ивана Белоусова...и с теми людьми на ...квартиру челобитчику капитану Юргену для выемки ходил и пришед обыскивал и по досмотру и по обыску явилось у него пленника заповедное питье, вино, табак, мед и пиво де вышеписанное заповедное велел он Алексей везти на

санях...в город, а их шведов везти в приказную палату, а вышеписанного де вина, табаку и меду и никакой посуды он Алексей в дом себе не бировал и чашек китайских и хрустальных не видал и брать де ему Алексею неколе, потому что он челобитчик и иные шведы в тоже время введены были с поличным с фатер своих в приказную палату и вымоичное было принесено при них шведах и ему де Алексею делать было не с кем и неколей и тем де он челобитчик поклепал его Алексея напрасно. А у кого, что заповедного питья и табаку, меду — подал в томскую приказной палате заручное доношение...» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и701, оп. 1, д. 2, л. 144—145об].

Существует мнение, что сибирский губернатор М. П. Гагарин симпатизировал и покровительствовал шведам. За годы своего правления сановник раздал пленникам из государственной казны свыше 15 тыс. руб. Благотворительность вызвала великий гнев Петра I, так как Северная война и так истощила денежные запасы. Исследователь Г. В. Шебалдина выделяет 3 основных этапа массового перехода каролинов на русскую службу. Первый этап связан с событиями, наступившими непосредственно сразу после пленения, когда на русскую службу в добровольно-принудительном порядке перешли воины трех немецких полков и большая группа рядовых шведской армии. Второй этап обусловлен тяжелыми материальными условиями первых лет пребывания в Сибири (1711—1713 гг.). На русскую военную службу тогда шли, как правило, каролины не шведского происхождения. Третий этап тесно связан с периодом активного строительства новых органов власти в России (1717—1719 гг.), в частности коллегий. Характерными чертами этого периода была активная политика русских властей и заранее оговоренная пленными временность службы, дающая возможность свободного возвращения на родину после окончания войны.

И здесь хотелось бы обратить внимание еще на один момент. Переход каролина на новую службу не расценивался остальными пленными как предательство: служба иностранному государству была характерной чертой того времени. Гораздо большего осуждения и презрения со стороны пленных каролинов заслуживал тот, кто, меняя место службы, менял веру. Негативное отношение к этим людям и отторжение их из общества остальных находит подтверждение в мемуарах самих участников событий.

Все вышеизложенное позволяет сформулировать вывод, что религиозное единство пленных каролинов и сформированная под его серьезным влиянием культурно-историческая общность определяли основу их самоидентификации в сибирском обществе [Шебалдина, 2005, с. 154].

За переход на российскую службу пленным шведам выдавали ежемесячно «по два рубля с полтиною, провианту муки ржаной и овса». Иногда

переход на службу сопровождался переходом в православную веру и сменой имени на русское: «Новокрещенный швед Терентий Перевалов просит отпустить его из Тюмени до Тобольска, а из Тобольска на Колыванские заводы (на Алтай) за казенным железом. Просит он из Тюменской канцелярии дать ему паспорт и уплатить печатные пошлины». Другой новокрещенный швед ездил на Ирбитскую ярмарку, за что уплатил пошлину 50 рублей с покупных товаров. Чиновники и офицеры, взятые в плен в Прибалтике, отправлялись в сибирскую ссылку вместе со своими семьями, женами и детьми. После заключения Ништадтского мирного договора 1721 года шведские военнопленные получили право возвращения на родину, но около четырехсот человек пожелали остаться в Тобольской губернии.

В трудах исследователей часто встречаются упоминания об активном употреблении алкогольных напитков городским населением Сибири, что объясняется суровыми климатическими условиями [Словцов и др., 1995, с. 208]. Но стоит отметить, что крестьяне нечасто употребляли спиртные напитки, так как большую часть времени они тратили на сельскохозяйственные работы, работу на государство, различные домашние заботы. Кроме того, пьющего крестьянина могли перевести в бобыли или он мог пойти «по миру».

Говоря о влиянии шведов на Сибирь в первой половине XVIII века, можно привести высказывание Г. В. Шебалдиной: «...нельзя отрицать цивилизаторскую роль Каролингов с их более развитой бытовой культурой и более совершенными практическими умениями и навыками». Вольно или неволью пленные шведские военнопленные способствовали ускорению освоения сурового края, знакомству с элементами западноевропейской культуры. Тем не менее Г. В. Шебалдина справедливо полагает, что их деятельность в большинстве случаев не носила целенаправленного цивилизаторского характера, а являлась результатом необходимости приспособления к многолетнему пребыванию в русском плену» [Шебалдина, 2005, с. 170].

5. Заключение

Таким образом, экономическое развитие края, интенсивный рост народонаселения в конце XVII — первой половине XVIII веков сопровождались существенными сдвигами в области культуры. В первой четверти XVIII века под влиянием масштабного реформирования всех сторон государственной и общественной жизни Тобольский край, как и вся Сибирь, включается в единое общероссийское русло развития. В то же время в результате взаимодействия культуры пришлого русского населения и культуры древних обитателей края формируется уникальный в своем своеобразии

зии региональный вариант материальной и духовной культуры и досугово-межкультурного общежития.

Русские переселенцы за Урал бережно сохраняли традиции возведения жилых и хозяйственных построек, изготовления мужской и женской одежды, домашней утвари. Одновременно с этим происходило усвоение некоторых традиций у коренного населения: появляются новые элементы в костюме, домашнем обиходе.

О повседневном свободном времяпровождении крестьян-сибиряков известно очень мало, но в досуге служилого населения особое место занимали игры — в кости, шахматы, шашки и карты. Особо следует отметить влияние военнопленных на культуру и быт сибиряков. Пленные шведы организовали частную школу, кукольный театр, лечили местных жителей, участвовали в научных экспедициях. Шведы, не обладавшие ремеслом, занимались торговлей. Архивные документы позволяют заключить, что шведы занимались производством пива и вина. Правительство запрещало продажу крепких напитков вне кружечных дворов, но так как употребление пива и вина среди населения пользовалось популярностью, продажа вина и пива была прибыльным делом.

Источники и принятые сокращения

1. ГБУТО ГА в г. Тобольске — *Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске*. Ф. И701. Кондинский Троицкий монастырь. — Оп. 1. Указы из Тобольской духовной консистории, переписка с Исетской канцелярией, описи имущества монастыря. Д. 2; Ф. И156. Тобольская Духовная Консистория. Оп. 12. Указы Святейшего Правительствующего Синода (1722—1755). Д. 1.
2. ПСЗРИ — *Полное собрание законов Российской империи* : Собрание Первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г. Т. IV: 1700—1712: [№ 1740—2619]. — Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. — 881 с.
3. ПСЗРИ — *Полное собрание законов Российской империи* : Собрание Первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г. Т. V: 1713—1719 : [№ 2620—3479]. — Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. — 780 с.
4. ПСЗРИ — *Полное собрание законов Российской империи* : Собрание Первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г. Т. VI: 1720—1720 : [№ 3480—4136]. — Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. — 615 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишин М. О. Государство и становление профессиональной медицины в Сибир XVIII века / М. О. Акишин // Пятые Татищевские чтения. Духовность и нравственность на Урале в прошлом и настоящем : тезисы докладов и сообщений, Екатеринбург, 22—23 апреля 2004 г. — Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2004. — С. 23—28.
2. Александров В. А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в) / В. А. Александров. — Хабаровск : Книжное издательство, 1984. — 275 с.

3. Богомолов В. Б. Реконструкция костюма русских Западной Сибири по археологическим материалам XVII — XVIII веков / В. Б. Богомолов, Л. В. Татаурова, Е. В. Кравец // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 12 (303). История. — С. 28—35.

4. Волков М. Я. Очерки истории промыслов России, вторая половина XVII — первая половина XVIII в.: винокуренное производство : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / М. Я. Волков. — Москва, 1979. — 336 с.

5. Гололев Д. А. Шведы и винокурение в Тюмени в первой четверти XVIII в. / Д. А. Гололев // AUS Siberian — 2006. Научно-информационный сборник. — Тюмень : ИПЦ Экспресс, 2006. — С. 20—22.

6. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Т. 2 / ред. А. П. Окладников. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1968. — 486 с.

7. Исхаков Э. Р. Государственно-правовое регулирование здравоохранения в период правления Петра I / Э. Р. Исхаков, С. Г. Аксенов // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2012. — № 4 (22). — С. 4—10.

8. Корзухина Г. Ф. Из истории игр на Руси / Г. Ф. Корзухина // Советская археология. — 1963. — № 4. — С. 85—102.

9. Курукин И. В. «Государево кабацкое дело»: очерки питейной политики и традиций в России / И. В. Курукин, Е. А. Никулина. — Москва, 2005 — 381 с.

10. Мирский М. Б. Медицина в России в X—XX вв. / М. Б. Мирский. — Москва : РОССПЭН, 2005. — 631 с.

11. Мирский М. Б. Очерки истории медицины в России XVI—XVIII вв. / М. Б. Мирский. — Владикавказ : Рекламно-издательское агентство Госкомиздата РСО-А, 1995. — 170 с.

12. Раев Д. В. Кружечные дворы городов Западной Сибири в конце XVII — начале XVIII вв. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Д. В. Раев. — Новосибирск, 2003. — 223 с.

13. Сафронов Г. Ф. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. / Г. Ф. Сафронов. — Москва : Наука, 1980. — 144 с.

14. Слобцов П. А. Историческое обозрение Сибири / П. А. Слобцов, В. А. Крещик. — Новосибирск : Вен-Мер, 1995. — 676 с.

15. Фахрутдинова Ф. Д. Народный костюм как отражение взаимодействия в XIX — начале XX века : диссертация ... кандидата культурологии / Ф. Д. Фахрутдинова. — Челябинск, 2011. — 150 с.

16. Хаит Н. Л. К вопросу об организации медицинской помощи населению и популяризации медицинских знаний в Сибири в XVIII в. / Н. Л. Хаит // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — 2016. — № 4 (26). — С. 140—145.

17. Харинский А. В. О появлении курительных трубок и табака в Прибайкалье / А. В. Харинский // Байкальская Сибирь в древности. — Иркутск : Иркутский государственный университет, 1995. — С. 207—217.

18. Шашков С. С. Рабство в Сибири : исторический очерк [Электронный ресурс] / С. С. Шашков // Дело. — 1869. — № 1, отд. 1. — С. 163—187; № 3, отд. 1. — С. 1—32.

19. Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII века / Г. В. Шебалдина. — Москва : Российский государственный университет, 2005. — 209 с.

20. Шевцов В. В. Формы игрового досуга в среде служилого населения Томского острога / В. В. Шевцов // Города Сибири XVII — начала XX в. Вып. 2. История повсед-

невности : сборник научных статей / под ред. В. А. Скубневского, Ю. М. Гончарова. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. — С. 195—199.

21. Шелегина О. Н. Историко-этнографические аспекты адаптации русского населения в условиях освоения новых территорий / О. Н. Шелегина // Историческое познание: традиции и новации : материалы Международной теоретической конференции. Ижевск, 26—28 окт. 1993 г. Ч. 1. — Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1996. — С. 113—120.

22. Шелегина О. Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX вв. / О. Н. Шелегина. — Новосибирск : Наука, 1992. — 256 с.

23. Шелегина О. Н. Русские крестьяне Западной Сибири : особенности материальной культуры в XVIII — первой половине XIX века [Электронный ресурс] / О. Н. Шелегина // Культурологические исследования в Сибири. — Омск. — 1999. — № 2. — Режим доступа : <https://www.sites.google.com/site/treningmyvmeste/home/russkie/osobennosti-materialnoj-kultury> (дата обращения 6.02.2021).

24. Шелегина О. Н. Специфика историко-культурных процессов в западносибирской деревне феодального периода / О. Н. Шелегина // Общественно-политическая мысль и культура сибиряков в XVII — первой половине XVIII вв. / под ред. Н. А. Миненко. — Новосибирск : Издательство Новосибирского университета, 1990. — С. 3—29.

25. Шуляк Е. В. Развитие здравоохранения Сибири в XVIII — первой половине XIX в. / Е. В. Шуляк // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2019. — Т. 5, № 2. — С. 121—132. — DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-121-132.

MATERIAL RESOURCES

GBUTO GA in Tobolsk — *State budgetary institution of the Tyumen region State Archives in Tobolsk. Kondinsky Trinity Monastery.* (In Russ.).

PSZRI — *Complete collection of laws of the Russian Empire: Collection First. From 1649 to 12 December 1825.* (1830). St. Petersburg: Type. II Branch of Own E.I.V. Chanceries. 4. 881 p. (In Russ.).

PSZRI — *Complete collection of laws of the Russian Empire: Collection First. From 1649 to 12 December 1825.* (1830). St. Petersburg: Type. II Branch of Own E.I.V. Chanceries 5. 780 p. (In Russ.).

PSZRI — *Complete collection of laws of the Russian Empire: Collection First. From 1649 to 12 December 1825.* (1830). St. Petersburg: Type. II Branch of Own E.I.V. Chanceries. 6. 615 p. (In Russ.).

REFERENCES

Akishin, M. O. (2004). State and formation of professional medicine in Siberia in the 18th century. In: *Fifth Tatishchev Readings. Spirituality and morality in the Urals in the past and present: abstracts of reports and messages.* Yekaterinburg: IliA UrO RAN. 23—28. (In Russ.).

Aleksandrov, V. A. (1984). *Russia at the Far Eastern borders (the second half of the XVII cent.).* Khabarovsk: Knizhnoe izdatelstvo. 275 p. (In Russ.).

- Bogomolov, V. B., Tataurova, L. V., Kravets, Ye. V. (2013). A reconstruction of the native costume of russian inhabitants in Western Siberia (applied to archaeological materials of XVII—XVIII centuries). In: *Chelyabinsk State University Bulletin*, 12 (303): 28—35. (In Russ.).
- Fakhrutdinova, F. D. (2011). *Folk costume as a reflection of interaction in the 19th — early 20th centuries: PhD Diss.* Chelyabinsk. 150 p. (In Russ.).
- Gogolev, D. A. (2006). *Swedes and distilling in Tyumen in the first quarter of XVII t.* In: *AUS Siberian — 2006. Scientific information collection.* Tyumen: IPTs Ekspress. 20—22. (In Russ.).
- Iskhakov, E. R., Aksenov, S. G. (2012). State legal regulation of health care during the reign of Peter I. *Legal science and law enforcement practice*, 4 (22): 4—10. (In Russ.).
- Khait, N. L. (2016). On the question of the organization of medical care for the population and the popularization of medical knowledge in Siberia in the 18th century. *Problems of social and economic development of Siberia*, 4 (26): 140—145. (In Russ.).
- Kharinskiy, A. V. (1995). About the appearance of smoking pipes and tobacco in the Baikal region. In: *Baikal Siberia in antiquity.* Irkutsk: Irkutsk State University. 207—217. (In Russ.).
- Korzukhina, G. F. (1963). From the history of games in Russia. *Soviet archeology*, 4: 85—102. (In Russ.).
- Kurukin, I. V., Nikulina, E. A. (2005). *“Gosudarevo Tavern Business”: Essays on Drinking Policy and Traditions in Russia.* Moscow. 381 p. (In Russ.).
- Mirskiy, M. B. (1995). *Essays on the history of medicine in Russia in the 16—18 centuries.* Vladikavkaz: Goskomizdat PCO-A. 170 p. (In Russ.).
- Mirskiy, M. B. (2005). *Medicine in Russia in the 10—20th centuries.* Moscow: ROSSPEN. 631 p. (In Russ.).
- Okladnikov, A. P. (1968). *History of Siberia from ancient times to the present day.* Leningrad: Nauka. Leningrad branch. 5/2. 486 p. (In Russ.).
- Raev, D. V. (2003). *Lace courtyards of the cities of Western Siberia in the late 17th — early 18th centuries: PhD Diss.* Novosibirsk. 223 p. (In Russ.).
- Safronov, G. F. (1980). *Russian crafts and trading in northeast Asia in the 17th — mid 19th centuries.* Moscow: Nauka. 144 p. (In Russ.).
- Shashkov, S. S. (1869). Slavery in Siberia: A Historical Outline. In: *Delo.* (In Russ.).
- Shebaldina, G. V. (2005). *Swedish prisoners of war in Siberia. First quarter of the 18th century.* Moscow: Russian State University. 209 p. (In Russ.).
- Shelegina, O. N. (1990). Specificity of historical and cultural processes in the West Siberian village of the feudal period. In: *Social and political thought and culture of Siberians in the 17th — first half of the 18th centuries.* Novosibirsk: Novosibirsk University Publishing House. 3—29. (In Russ.).
- Shelegina, O. N. (1992). *Essays on the material culture of Russian peasants in Western Siberia in the 18th — first half of the 19th centuries.* Novosibirsk: Nauka. 256 p. (In Russ.).
- Shelegina, O. N. (1996). Historical and ethnographic aspects of the adaptation of the Russian population in the context of the development of new territories. In: *Historical knowledge: traditions and innovations: materials of the International theoretical conference.* Izhevsk: Publishing house of the Udmurt University. 113—120. (In Russ.).

- Shelegina, O. N. (1999). Russian peasants of Western Siberia: features of material culture in the 18th — first half of the 19th century. *Cultural research in Siberia, Omsk*. Available at: <https://www.sites.google.com/site/treningmyvmeste/home/russkie/osobennosti-materialnoj-kultury> (accessed 6.02.2021). (In Russ.).
- Shevtsov, V. V. (2004). Forms of play leisure among the service population of the Tomsk prison. In: *Cities of Siberia XVII — early XX century. History of everyday life: collection of scientific articles*. Barnaul: Publishing house Alt. un-ta. 2. 195—199. (In Russ.).
- Shulyak, E. V. (2019). The development of healthcare in Siberia in the 18th — first half of the 19th century. *Bulletin of the Tyumen State University. Humanities research. Humanitates*, 5 (2): 121—132. DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-121-132. (In Russ.).
- Slovtsov, P. A., Kreschik, V. A. (1995). *Historical review of Siberia*. Novosibirsk: Ven-Mer. 676 p. (In Russ.).
- Volkov, M. Ya. (1979). *Essays on the history of Russian crafts, second half of the 17th — first half of the 18th century: distillery production: Doct. Diss.* Moscow. 336 p. (In Russ.).